

Чжу Яньинь с совершенно невозмутимым видом запахнул на нем ворот халата:

— Хорошо, что все в порядке.

Раз всё обошлось, стоило нормально одеться.

Ли Суй посмотрел на повязку на своем запястье:

— Остальные знают, что меня укусили?

— Нет, я не велел распространяться об этом, — ответил Чжу Яньинь. — Мы-то с тобой, конечно, верим Божественному целителю Цзяну: раз он сказал, что укус не опасен, значит, всё обойдется. Но другие могут засомневаться. Пойдут слухи, мало ли до чего они договорятся. Уж лучше держать это в тайне.

Ли Суй кивнул:

— Хорошо.

Чжу Яньинь потрогал простыню и спросил:

— Как тебе спалось прошлой ночью? Если постель кажется жестковатой, когда будем проезжать следующий крупный город, я велю дяде Чжану купить еще ватных матрасов и одеял.

На самом деле Ли Суй не слишком любил мягкие постели, но сейчас, устроившись в этом белоснежном пушистом гнездышке, он внезапно ощутил невероятное умиротворение и уют. Должно быть, неспешный уклад Цзяннани и впрямь навевал лень — точь-в-точь как здешние стихи, которые заставляли забыть о мирской суете и лишь беззаботно нежиться в ласковой истоме.

Ни Чжу Яньинь, ни Ли Суй не заговаривали о Пань Шихоу. Однако от назойливых соседей за стеной отделаться было не так-то просто: они не успели закончить обед, как прибежал ученик из Зала Тяньчжу с вестью, что их молодой господин при смерти.

Чжу Яньинь приоткрыл дверь:

— Что значит «при смерти»?

— Ну, то есть... Божественный целитель Цзян говорит, что он не придет в себя, — лепетал ученик Зала Тяньчжу. — А если даже очнется, то останется слабоумным дурачком.

Чжу Яньинь оглянулся через плечо. Ли Суй по-прежнему сидел за столом и, похоже, вовсе не собирался никуда идти. Тогда юноша обратился к ученику:

— Я понял. Владыка дворца Ли ранен и сейчас восстанавливает силы. Возвращайся к себе.

Горестные вопли Пань Шихоу проникали сквозь толстые стены.

Со звонким стуком прихлопнув дверь, Чжу Яньинь вернулся на свое место рядом с Ли Суем.

— Вчера, судя по выражению лица Божественного целителя Цзяна, я так и подумал, что всё этим закончится. Но, по крайней мере, жизнь ему спасли.

— Как думаешь, откуда в теле Пань Цзиньхуа этот яд? — спросил Ли Суй.

— Божественный целитель Цзян утверждает, что дело не в укусе. Значит, весьма вероятно, что его, как некогда Чжан Цаня, выдерживали в чане с отравленной водой, — рассудил Чжу Яньинь. — Если бы ПАНЬ Цзиньхуа похитили силой и заставили практиковать темные искусства, Пань Шихоу не стал бы молчать — давно уже прибежал бы к нейбе в слезах и с криками о помощи. Но раз он юлит и выдумывает нелепицы о том, как Чжан Цань вцепился сыну в шею и утащил из города, это лишь доказывает: Пань Цзиньхуа ушел добровольно.

Иными словами, по собственной воле.

Имея такого слепо любящего, но одержимого и деспотичного отца, который с самого детства давил на него своими ожиданиями, Пань Цзиньхуа наверняка вырос с искаленной душой. Даже если отбросить мысли о победе над Ли Суем, ради одной только славы в цзянху он вполне мог сознательно ступить на стезю порочных учений.

Каждый, кто практикует темные искусства, до самого момента своей гибели верит, будто способен удержать разум под контролем. Они похожи на проигравшихся в пух и прах игроков, которые свято верят, что уж в следующем-то раунде непременно отыграются. И лишь сторонним наблюдателям очевидно, какой финал их ждет.

Трудно сказать, узнал ли Пань Шихоу обо всем только тогда, когда его сын уже поддался безумию, или же сам приложил к этому руку.

— Скорее всего, первое, — Ли Суй отхлебнул немного каши из ласточкиных гнезд. — Как бы страстно Пань Шихоу ни мечтал вырастить из сына великого воина, он не стал бы обрекать его на участь Чжан Цаня. Думаю, он заметил неладное лишь тогда, когда Пань Цзиньхуа уже стоял на самом краю бездны. Но признаться мне побоялся, вот и выдумал ложь, выставя себя и сына невинными жертвами.

Чжу Яньинь поинтересовался:

— Сладко?

Ли Суй взглянул на ложку:

— Сладко.

Чжу Яньинь зачерпнул ложку из его пиалы: хм, и правда сладко.

Закончив с обедом и немного передохнув, они собрались наконец навестить соседей. Но едва открыли дверь, как увидели Цзян Шэнлиня, который стоял во дворе, прислонившись к дереву, и с измученным видом растирал виски.

— Божественный целитель Цзян, — Чжу Яньинь поспешил к нему и поддержал под локоть. — Почему ты до сих пор не отдыхаешь?

— Только-только вырвался, — вздохнул Цзян Шэнлинь, опускаясь на каменную скамью. — На своем веку я повидал немало пациентов и их родных, но этот Пань Шихоу — редкостный чудак. Вместо того чтобы спросить, очнется ли его сын вообще, он без конца допытывается, сможет ли тот после выздоровления читать книги и упражняться в боевых искусствах. До сих пор там рыдает. Мой вам совет: не ходите туда.

— Он действительно больше не придет в себя?

— Точ-в-точь как я сказал. То, что удалось сохранить ему жизнь — уже чудо. Хорошо, что ты вчера вовремя приволок его обратно, опоздай мы хоть на час — спасать было бы уже некого. Впрочем, судя по поведению Пань Шихоу, для него этот полуживой сын мало чем отличается от покойника.

Чжу Яньинь брезгливо скривился: тоже мне, отец.

— Пойду-ка я спать, — зевнул Цзян Шэнлинь. — И вы лучше не ищите неприятностей. Он сейчас сам не свой от горя и готов бросаться на каждого встречного.

Чжу Яньинь проводил Цзян Шэнлиня до комнаты. Он не стал оставлять у его дверей ни учеников лекаря, ни адептов Дворца Ваньжэнь. Вместо этого он приказал своим личным телохранителям взять покои под охрану и велел им ни в коем случае не реагировать на переполох из Зала Тяньчжу, если только не случится что-то из ряда вон выходящее, дабы дать Божественному целителю спокойно выспаться.

Ли Суй спросил:

— Не хочешь, чтобы он ссорился с Дворцом Ваньжэнь?

— Связываться с усадьбой Чжу он точно побоится, — Чжу Яньинь присел на каменную скамью. — Само собой, на Дворец Ваньжэнь он тоже не посмеет пойти против, но ведь может явиться к тебе, зарыдать и приняться вымаливать помощь, прикрываясь давними крохами благодеяний. Так что пусть лучше у дверей стоят мои люди — так спокойнее.

Ли Суй усмехнулся:

— Он тебе очень не нравится.

Да уж, «очень не нравится» — слабо сказано! Чжу Яньинь не сдержался:

— А тебя самого вчерашнее происшествие разве не злит?

— Я ведь уже говорил, что прекрасно знаю его натуру, — ровно ответил Ли Суй. — Вчерашнее меня ничуть не удивило.

— Но ты ведь относился к нему как к старшему родственнику, столько сил потратил, чтобы отыскать его сына, даже ранен был! А он взамен... В общем, я за тебя злюсь!

— Я относился к нему как к старшему, но это не значит, что он для меня незаменим, — Ли Суй легонько ущипнул Чжу Яньиня за подбородок. — Понимаешь?

Чжу Яньинь на мгновение задумался, а затем кивнул:

— Угу.

— Раз у соседей сейчас такой кавардак, не стоит к ним соваться, — подытожил Ли Суй. — Ночью мы толком не спали, давай вернемся и еще немного отдохнем.

Второй молодой господин Чжу поспешил предложить лечь вместе.

Но едва эти слова слетели с его губ, он спохватился: это прозвучало слишком уж двусмысленно

и выдавало его истинные помыслы с головой. Пытаясь загладить неловкость, он торопливо добавил: «Я имею в виду, не хочу, чтобы ты тайком ушел к Пань Шихоу, пока я сплю. Так что давай поспим вместе... Нет, то есть не в одной постели! У меня в комнате есть отличная кушетка, ложись на нее, она тоже большая и удобная!»

Или, если хочешь, мы можем лечь в одну постель... или в одну постель... или в одну постель.

Увы, в этот ответственный момент владыка Ли внезапно растерял весь свой грозный пыл. От его обычной властности, деспотизма, холодности и демонического очарования не осталось и следа: он без лишних слов согласился лечь на кушетку.

Из чего следовало лишь одно: любовные романы бессовестно лгут, и вымысел бесконечно далек от суровой реальности.

Лежа в постели, Чжу Яньинь твердо решил, что по возвращении в Цзяннань непременно призовет к ответу недобросовестных книготорговцев. Нечего сразу расписывать постельные сцены на три тысячи иероглифов, едва в повествовании появляется грозный владыка. Это лишь вводит порядочных читателей в заблуждение!

Ли Суй полулежал на кушетке. Спать ему совсем не хотелось, поэтому его взгляд неотрывно следил за кроватью.

— Чего ты на меня смотришь? — приглушенно спросил Чжу Яньинь из-под одеяла.

— А на кого мне еще смотреть? — отозвался Ли Суй.

«Вообще-то во время дневного сна люди закрывают глаза и никуда не смотрят», — подумал Чжу Яньинь.

«Но если тебе так уж хочется... ладно».

Поэтому Второй молодой господин Чжу закрыл глаза и принял изящную позу, даже кончики пальцев на подушке расположив с особым изыском.

Белоснежные одежды, темные волосы, хрупкий силуэт...

Глядя на него, нельзя было не преисполниться нежности.

Шум снаружи мало-помалу стих, пока наконец во дворе не воцарилась глубокая тишина.

Проведя практически бессонную ночь, Чжу Яньинь, укутанный в мягкое одеяло, лениво наблюдал за золотистыми лучами солнца, пробивавшимися сквозь оконную раму, и за отдыхавшим на кушетке Ли Суем. Веки его постепенно начали тяжелеть.

И это была не та сонливость, которую можно стряхнуть усилием воли, а глухая, непреодолимая усталость. Он не успел и глазом моргнуть, как погрузился в глубокий сон.

И ему даже что-то снилось.

Что именно — сказать сложно. Так или иначе, когда он открыл глаза, то обнаружил, что лежит на животе, раскинув руки и ноги, одеяло сползло на пол, одна нога согнута в колене, под другую подпихнут валик, а штанина задралась чуть не до колена — картина, идеально подходящая для крестьянина, собравшегося сажать рис в поле.

Первой мыслью Второго молодого господина Чжу было: «Не может быть, чтобы я спал в такой дикой позе. Это точно сон».

Однако, как он ни старался проснуться «по-настоящему», реальность осталась неизменной.

Кушетка неподалеку пустовала: Ли Суй ушел неизвестно когда. Второй молодой господин Чжу сел в постели, обхватив руками одеяло, и с самым серьезным видом принялся размышлять: «Должно быть, стоило мне принять ту изящную позу и закрыть глаза, как его тут же вызвали подчиненные. Всё-таки Дворец Ваньжэнь огромен, и у его главы наверняка полно забот».

— Молодой господин, — Чжу Сяосуй тихонько приоткрыл дверь. — Пора готовиться к ужину.

<http://bllate.org/book/18290/1754152>